

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1-80-93

EDN: EAUVWQ

Научная статья / Research article

Преступление и наказание в османском Египте в последней четверти XVIII в.: дело об убийстве Йусуф-бея

В.Е. Смирнов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, д. 11, с. 1

✉ smirnov@iaas.msu.ru

Аннотация. Исследование, выполненное в форме кейс-метода, посвящено всестороннему анализу сюжета из хроники выдающегося египетского историка Абд ар-Рахмана ал-Джабарти, повествующего о заказном убийстве одного из правящих эмиров Египта Йусуф-бея. На примере конкретного исторического эпизода рассматриваются сложные взаимоотношения духовных лидеров египетского общества (улама) с военно-политической элитой страны в лице представителей неомамлюкской «знати». Изучая довольно простые, на первый взгляд, обстоятельства этого громкого дела, автор приходит к неожиданному выводу. По мнению исследователя, ликвидация одной из ключевых фигур египетской военно-политической «знати» не вписывается в рамки традиционной борьбы внутри правящей элиты, которой была наполнена вся история Египта под властью османов. Основной причиной незавидной участи Йусуф-бея, как полагает автор, стало его неутраченное противостояние с представителями алимского корпуса — хранителями и интерпретаторами многовекового мусульманского наследия. Ставя себя в жесткую оппозицию по отношению к религиозным авторитетам, заключая их в темницу, угрожая им убийством, посягая на их жизнь в угоду своим честолюбивым амбициям, он нарушил неписанное правило уважительного и почтительного отношения к носителям власти духовной и понес заслуженное с точки зрения общепринятых норм поведения правящей элиты османского Египта наказание.

Ключевые слова: властные элиты, мамлюкские эмиры, неомамлюкская «знать», эмир ал-хаджж, египетские алимы, служители ислама

История статьи: Поступила в редакцию: 30.06.2023. Принята к публикации: 30.09.2023.

© Смирнов В.Е., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Смирнов В.Е. Преступление и наказание в османском Египте в последней четверти XVIII в.: дело об убийстве Йусуф-бея // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 80–93. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-80-93>

Финансирование: Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по темам «Религиозные системы Востока: традиции и современность» и «История и культура стран Востока; межцивилизационные контакты».

Crime and Punishment in Ottoman Egypt in the Last Quarter of the 18th Century: the Yusuf Bey Murder Case

V.E. Smirnov

Lomonosov Moscow State University,
11/1 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation

✉ smirnov@iaas.msu.ru

Abstract. The study, executed in the form of a case-method, focuses on a story from the chronicle of the prominent Egyptian historian Abd al-Rahman al-Jabarti, describing the murder of Yusuf Bey, one of the ruling emirs of Egypt. By using this particular historical episode, the author illustrates the complicated relationship between the Muslim religious leaders of Egypt (ulama) and the military elite of the country represented by the neo-Mamluk “nobility”. Investigating these, at the first glance, ordinary circumstances of this gloomy case, the author comes to an unexpected conclusion. However, according to the researcher, the assassination of this key figure of the Egyptian military elite does not fit into the traditional struggle between or within the ruling factions, that filled the entire history of Egypt under the Ottomans. According to the author, the main reason for Yusuf Bey’s unenviable fate was his unceasing confrontation with the representatives of the Alim corps, the guardians and interpreters of the centuries-old Muslim heritage. By putting himself in opposition to the Muslim scholars, imprisoning and threatening them, infringing on their lives for the sake of his personal ambitions, Yusuf Bey violated the principles of respect and deference to the holders of spiritual authority and suffered the deserved punishment according to the generally accepted norms of behavior among the ruling elite of Ottoman Egypt.

Keywords: power elites, Mamluk emirs, neo-Mamluk “nobility”, Emir al-Hajj; Egyptian ulama, Muslim religious leaders

Article history: Received: 30.06.2023. Accepted: 30.09.2023.

For citation: Smirnov VE. Crime and Punishment in Ottoman Egypt in the Last Quarter of the 18th Century: the Yusuf Bey Murder Case. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):80–93. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-80-93>

Funding: The article was prepared as part of the Lomonosov Moscow State University research projects “Religious Systems of Asia: Tradition and Modernity” and “History and Culture of the Oriental Countries; Contacts between Civilizations”.

Введение

Современные отечественные и зарубежные исследователи практически единодушны в своих оценках общественно-политической жизни египетского общества XVIII в. Ее основу составляли процессы, связанные с прогрессирующим ослаблением власти Блистательной Порты и возрастающими сепаратистскими устремлениями глав крупнейших группировок неомамлюкского толка, которые вели между собой яростное противоборство за доминирование на внутривосточной арене [1. С. 14–18, 2. С. 152–153, 3. С. 1–3, 4. С. 88–89, 5. С. 17–18]. К середине XVIII в. выстроенный османами баланс внутренних политических сил в Египте, который долгие годы обеспечивал соблюдение интересов имперского центра, оказался полностью разрушен, а присылавшиеся из Стамбула губернаторы-правители с титулом паши¹ исполняли лишь представительские функции и не располагали действенными рычагами влияния на местную политическую элиту [1. С. 15, 2. С. 90, 3. С. 5–6]. В этих условиях реальной властью в крупнейшей из арабских провинций Османской империи обладали наиболее влиятельные «дома» (бейты) неомамлюкского типа, организованные на основе патронажно-клиентельных отношений [3. С. 30–31, 6. С. 17, 7. С. 131–132].

На фоне кризиса османской системы провинциального управления и возникавших центробежных тенденций в османском государстве во второй половине XVIII в. лидеры доминирующих бейтов оказались вовлечены в борьбу за перераспределение прибавочного продукта, большая часть которого ранее поступала в распоряжение центрального правительства. Как результат, многочисленные интриги, заговоры, вооруженные столкновения как между главами «семейств», так и внутри самих бейтов стали обыденной нормой повседневности рассматриваемого периода [2. С. 158, 8. С. 55]. С одной стороны, это соперничество поощрялось и даже провоцировалось официальными османскими властями, а с другой — такого рода противоборство было практически неизбежным в силу самой природы организации мамлюкского общества [1. С. 18].

Тем не менее, даже в нескончаемой череде физических расправ над поверженными оппонентами особо выделяется убийство видного эмира Йусуф-бея, занимавшего в последней четверти XVIII в. высокое положение в мамлюкской иерархии. Подробное изучение всех обстоятельств гибели одной из ключевых фигур египетских правящих кругов, зафиксированных в хронике знаменитого арабского летописца Абд ар-Рахмана ал-Джабарти, позволяет высказать предположение, что устранение мамлюкского авторитета не вписывалось в рамки традиционной борьбы внутри властной элиты, которой была наполнена вся история Египта при османах.

¹ Паша (сокращ. от титула «падишах») — первоначально в османском государстве этот титул давался крупным военачальникам и первым везирам султана. В последующие периоды титул паши имели государственные сановники в ранге везира, а также другие высшие военные и гражданские должностные лица, включая правителя Египта.

Социально-психологический портрет личности Йусуф-бея

История сохранила для нас не так много свидетельств о личности покойного. Доподлинно известно, что его патроном был прославленный мамлюкский эмир Мухаммад-бей Абу-з-Захаб², который в 1186 г.х. (1772/3) сделал своего воспитанника санджакбеем³ и женил на своей сестре [9. С. 49]. Судя по характеристике, которой удостоился Йусуф-бей от египетского хрониста Абд ар-Рахмана ал-Джабарти, он был типичным холериком, не знавшим покоя, «неуравновешенным, хаотичным в делах, беспокойным». Как пояснял историк, «в собраниях он не сидел на месте, то вскакивал, то садился, иногда говорил резко, кричал, а то успокаивался на некоторое время и проявлял какую-то человечность, но по малейшему поводу его настроение менялось, и он становился озабоченным» [9. С. 49]. Особенно ярко взрывной и сумасбродный темперамент Йусуф-бея проявился в ходе строительства его нового дома в районе озера «Биркат ал-Фил в Дарб ал-Хаммам напротив мечети Алмас», продолжавшегося целых пять лет. Столь длительный период возведения резиденции, на которую были потрачены огромные средства, арабский летописец объяснял в первую очередь взбалмошностью ее владельца. Случалось, что уже после сооружения значительной части дома, «вплоть до побелки, облицовки мрамором и деревом, росписи потолка, подгонки карнизов и скобяных изделий», Йусуф-бей, «поддаваясь внушению шайтана, разрушал все до основания и возводил заново по другому образцу» [9. С. 49].

Внутриполитическая борьба в египетской эйялете (1775–1777)

После смерти своего суверена от чумы в июне 1775 г. Йусуф-бей занял важную должность эмира ал-хаджж⁴. Фактически он стал третьим по значимости официальным лицом в неомамлюкской иерархии после

² Мухаммад-бей Абу-з-Захаб (ок. 1735–1775) — уроженец Черкессии, похищенный в юном возрасте и привезенный в Египет, где был приобретен легендарным мамлюкским эмиром Али-беем ал-Кабиром (ок. 1728–1773). Со временем стал зятем и одним из главных военачальников своего покровителя. В 1772 г. перешел на сторону Порты и выступил против Али-бея, приложив руку к его гибели. После смерти своего патрона и вплоть до своей кончины был фактическим правителем Египта [10. С. 651–655, 11. С. 700–704].

³ В Египте титул санджакбея (бея) получали высокопоставленные лица, которые изначально входили в круг приближенных египетского наместника. По сути, они унаследовали статус высших военачальников Мамлюкского султаната — эмиров сотни, предводителей тысячи. В исследуемый период они представляли собой верхний слой властной элиты египетского общества, выстроенной по иерархическому принципу.

⁴ Эмир ал-хаджж — глава каравана паломников, ежегодно отправлявшегося к святыням Мекки и Медины. Считался одним из главных по значимости беев в неомамлюкской структуре.

двух других мамлюков Абу-з-Захаба, «из коих старший и шейх ал-балад⁵ — Ибрахим-бей⁶». В то же время все дела в стране «исполнялись лишь при надзоре его сопровителя Мурад-бея»⁷ [9. С. 25]. Возможностью оспорить право властного тандема на верховенство в стране располагал хушдаш⁸ их партон — именитый эмир Исмаил-бей старший⁹, однако до поры до времени он «довольствовался получением доходов со своих владений, <...>, воздерживаясь от вмешательства в дела» [9. С. 25]. Как заявлял он сам своим потенциальным соперникам: «Я уступил вам управление страной и сам Египет, отнесся к вам, как к своим детям. Я ничего не хочу, кроме спокойного и радостного существования» [9. С. 38].

Между тем, в первой половине 1777 г. отношения между правящими мамлюкскими эмирами серьезно обострились. С одной стороны, по свидетельству Джабарти, «Йусуф-бей был в тягость Мурад-бею», причем до такой степени, что последний даже предпринял попытку физического устранения своего конкурента, выбрав момент, когда тот возвращался из хаджа во главе каравана паломников. Узнав о намерении супостата устроить ему ловушку, Йусуф-бей поспешил в Каир, «делая два перехода вместо одного», чтобы успеть соединиться со своими основными силами. Несмотря на последовавшее после этого чисто внешнее примирение, как писал хронист, «вражда продолжала оставаться в их сердцах» [9. С. 52]. Так, спустя некоторое время Мурад-бей вызвал одного из приближенных Йусуф-бея по имени Сулейман-кашиф, «и по какой-то причине распорядился избить его палкой». Вполне логично, что «Йусуф-бей разгневался на Мурад-бея за это и затаил зло против него» [9. С. 37].

Чуть раньше, в начале того же года, «возникли спор и тяжба» между Мурад-беем и Исмаил-беем старшим, когда первый из них попытался

⁵ Шейх ал-балад (араб. яз.) — «старейшина, предводитель страны»; это название закрепилось в официальной терминологии и во всех исторических документах за лидером немамлюкской корпорации, который во второй половине XVIII в. являлся фактическим правителем всего Египта.

⁶ Ибрахим-бей старший (ок. 1735–1816) — выходец из грузинского селения Марткоби по имени Абрам Шинджикашвили; один из мамлюков Мухаммада-бея Абу-з-Захаба [12. С. 209, 13. С. 9]. В 1775–1777, 1778–1786 и 1791–1798 гг. Ибрахим-бей вместе со своим сопровителем Мурад-беем находились у власти в Египте, образовав своеобразный властный тандем [14. С. 580–582].

⁷ Мурад-бей (ок. 1750–1801) — согласно общепринятой версии, уроженец Тифлиса [12. С. 209]. Был пленен турками, увезен из родных мест и продан мамлюкскому эмиру Мухаммад-бею Абу-з-Захабу [15. С. 420].

⁸ Хушдаш («друг», «побратим», «соратник») — термин персидского происхождения, которым обозначали мамлюков одного и того же владельца.

⁹ Исмаил-бей старший — грузин по происхождению, мамлюк Али-бея ал-Кабира, хушдаш Мухаммад-бея Абу-з-Захаба. Один из самых известных и влиятельных мамлюкских эмиров «дома» Каздоглийя, который доминировал в Египте во второй половине XVIII в. Скончался 20 апреля 1791 г. от эпидемии чумы [9. С. 342].

завладеть частью ильтизамов¹⁰, принадлежавших сотоварищу своего покойного господина. Лишь посредничество Ибрахим-бея потушило едва было не вспыхнувшую смуту, и эмиры «помирились, несмотря на вражду» [9. С. 26]. Однако по прошествии нескольких месяцев Мурад-бей вновь спровоцировал конфликт, послав своих людей забрать судно с грузом зерна, предназначавшееся для Исмаил-бея. Мало того, узнав о негативной реакции оппонента на собственный произвол, он «договорился с некоторыми заинтересованными <...> лицами о том, что они на следующий день отправятся в дом Исмаил-бея и убьют его». Предупрежденный о коварных замыслах своего противника Исмаил-бей старший поспешил покинуть пределы Каира и сосредоточил свои силы в селении Ашбакийя к северо-востоку от столицы [9. С. 38]. В ходе разгоревшихся баталий Йусуф-бей со своими сторонниками и мамлюками примкнул к Исмаил-бею.

В результате вооруженных столкновений, которые продлились несколько дней, их конкуренты — Ибрахим-бей и Мурад-бей — потерпели поражение и по традиции укрылись в Верхнем Египте. Как зафиксировал летописец, в четверг 19 джумада ас-санийя (25.VII.1777) «Исмаил-бей и Йусуф-бей после захода солнца вступили в город со стороны ворот Баб ан-Наср и направились в свои дома» [9. С. 38–40]. Последующие несколько дней были посвящены репрессиям в отношении приверженцев проигравшей партии, а также перераспределению «хлебных» мест и доходных должностей в пользу победителей. Оба триумфатора — и Исмаил-бей, и Йусуф-бей — были облачены в почетные одежды с собольим мехом, а первый из них был утвержден шейхом ал-балад и «управителем страны» [9. С. 40].

Убийство Йусуф-бея

Тем временем, спустя буквально неделю после заседания дивана, на котором египетский паша чествовал мамлюкских предводителей, Йусуф-бей был убит в своей резиденции. В среду 2 раджаба (6.VIII.1777) к нему явились люди Исмаил-бея — «Хасан-бей ал-Джиддави в сопровождении Исмаил-бея младшего, а это брат Али-бея ал-Газзави, [и кроме них] Салим-бей ал-Исмаили, Абд ар-Рахман-бей ал-Алави». Как писал Джабарти, «они провели с ним приятный час у пруда ал-Мак'ад ал-Матул» [9. С. 40–41].

Дальнейшие события получили подробное освещение в сочинении египетского историка. Хасан-бей сидел перед Йусуф-беем на скамье, возвышавшейся над этим местом. Слева от него располагался Исмаил-бей младший, а Салим-бей и Абд ар-Рахман-бей находились чуть поодаль и о чем-то

¹⁰ Ильтизам представлял собой частный подряд и предполагал сдачу земельных владений и отдельных видов государственных доходов в аренду частным лицам (мультазимам). К концу XVIII в. откупная система превратилась в один из главных источников дохода для лидеров правящей неомамлюкской верхушки.

разговаривали. Улучив момент, последний отделился от стоявших рядом с ними телохранителей Йусуф-бея, незаметно приблизился к нему, вытащил свой хлыст и ударом свалил его на землю. Тот попытался было подняться, но, «зацепившись за одежду Исмаил-бея младшего, упал на спину», после чего «его пронзили сабельными ударами». Охрану Йусуф-бея нападавшие обратили в бегство, открыв по ней стрельбу, после чего беспрепятственно покинули место убийства, чтобы оповестить своего патрона о результатах покушения. Когда хушдаши Йусуф-бея узнали о его гибели, они оставили город, направившись в Верхний Египет. Таким образом, не успев начаться, волнения завершились, «и Йусуф-бея похоронили». В четверг на заседании дивана паша облачил Исмаил-бея старшего в соболью шубу и повторно провозгласил его шейхом ал-балад [9. С. 41].

Таким образом, Джабарти прямо указывает на заказчика и организатора покушения на Йусуф-бея, который был устранен руками подопечных своего же союзника. Возникает резонный вопрос о мотивах этого заказного убийства. Можно предположить, что Исмаил-бей по давней «мамлюкской традиции» решил заранее ликвидировать потенциального конкурента в предстоящей битве за власть. Однако из текста хроники следует, что ранее ни тот, ни другой никогда не демонстрировали каких-либо завышенных политических амбиций. Да и борьба с Ибрахим-беем и Мурад-беем была далека от завершения, и устранять столь могущественного союзника было бы по меньшей мере неразумно и опрометчиво.

Взаимоотношения Йусуф-бея с алимским корпусом

Между тем внимательный анализ содержания некролога, написанного арабским летописцем по случаю смерти Йусуф-бея, наводит на мысль об иных причинах, которые могли побудить Исмаил-бея старшего избавиться от своего собрата по оружию. Вот что писал египетский историк о переменах в манерах поведения подопечного Мухаммад-бея Абу-з-Захаба, после того как тот стал эмиром ал-хаджж: «еще больше усилились его заносчивость и чинимый им произвол, в особенности это сказалось по отношению к алимам — он мстил им» [9. С. 49–50]. Далее Джабарти приводит несколько примеров притеснений служителей ислама со стороны покойного мамлюкского эмира.

Первый случай произошел, когда Йусуф-бей «уединился со своей наложницей» и увидел у нее на интимном месте наколотую надпись. Под страхом смерти он выведал у нее, что татуировку сделал некий шейх Ахмад Садум, «чтобы тем самым обеспечить ей привязанность ее господина». Этот духовный авторитет, «человек в годах, почтенный, известный своей способностью к магии благодаря умению вызывать духов, беседовать с ними и причастностью к алхимии», был схвачен, умерщвлен без суда и следствия, а тело его

было брошено в воды Нила. Кроме того, упомянутый эмир фактически ограбил убитого шейха, из дома которого, как писал Джабарти, «забрали много вещей и статуй», в том числе «плюшевое изделие» в виде мужского детородного органа. Все эти доставили Йусуф-бею, который показывал этот артефакт всем приходившим к нему эмирам и другим посетителям. Те дивились и смеялись, «а он говорил при этом: „Посмотрите на дела шейхов!“» [9. С. 50].

Другой эпизод был связан с шейхом Абд ал-Баки, который «при помощи шейха Хасана ал-Джиддави, маликита¹¹» расторг брачный союз дочери своего брата с ее уехавшим на какой-то период по своим делам мужем. Пока тот был в отлучке, она не только получила право на развод, но даже успела выйти замуж за другого. Когда ее прежний супруг возвратился в Каир, то обратился за содействием к Йусуф-бею, приказавшему своим мубаширам¹² найти и доставить шейха. Те схватили Абд ал-Баки, оскорбили его, «надев на руки и на ноги железные оковы», и бросили в тюремную камеру, «где он находился вместе с феллахами, осужденными за преступления» [9. С. 50–51]. На выручку арестованному собрату поспешила большая группа каирских алимов во главе с признанным исламским богословом, уважаемым шейхом Али ас-Саиди ал-Адави, который пользовался непререкаемым авторитетом среди властей предержавших еще во времена правления Али-бея ал-Кабира и Мухаммад-бея Абу-з-Захаба [10. С. 648–649, 11. С. 697–698.].

В ходе разбирательства с представителями алимского корпуса Йусуф-бей заявил о недопустимости расторжения брачных уз в отсутствие одного из супругов. Однако шейх ас-Саиди резонно возразил, что служители ислама лучше знают установления шариата, а развод был произведен в полном соответствии с действующими установлениями маликитского толка. Тем не менее, узнав, что на встрече присутствует расторгнувший брак шейх ал-Джиддави, разъяренный Йусуф-бей вскочил и крикнул: «Клянусь Аллахом, я отрублю тебе голову!». В ответ на эту угрозу шейх ас-Саиди предал эмира анафеме, приговаривая: «Да проклянет тебя Аллах и да проклянет работорговца, который привез тебя, и того, который продал тебя, и того, который купил тебя и сделал эмиром!». Сложно сказать, чем закончились бы дальнейшие препирательства, если бы не вмешались присутствовавшие при выяснении отношений эмиры. В итоге шейх Абд ал-Баки был доставлен из тюрьмы, и служители ислама удалились, кляня на чем свет Йусуф-бея, «а тот слышал это» [9. С. 51].

Следующая история противостояния эмира ал-хаджж с египетскими духовными лидерами случилась, когда вдова покойного шейха Ахмада, «прозванного ас-Сакат», обратилась к Йусуф-бею с жалобой на шейха Абд ар-Рахмана ал-Ариши. Будучи на момент кончины Ахмада ас-Саката муфтием

¹¹ Маликитский мазхаб — одна из четырех канонических правовых школ в суннитском исламе.

¹² Мубашир — гонец, посланник; от араб. глагола «башара», означающего «заниматься делом».

ханифитского толка, он был назначен опекуном его детей и распорядителем оставленного им состояния, часть которого ушла на погашение долгов, а остальное было распределено между наследниками. Однако, по мнению вдовы, ал-Ариши вступил в сговор с кредиторами и «разграбил наследство ее мужа» [9. С. 51].

Йусуф-бей вызвал муфтия к себе и потребовал от него предъявить весь имевшийся в наличии остаток имущества скончавшегося шейха. Со своей стороны ал-Ариши утверждал, что «с наследством покончено», и предоставил все необходимые «документы, доказательства и счетные книги». Тем не менее, Йусуф-бей обвинил того в подлоге и мошенничестве и «потребовал его к ответу через несколько заседаний маджлиса», но Абд ар-Рахман ал-Ариши продолжал настаивать на своем [9. С. 51–52].

Спустя некоторое время Йусуф-бей вновь «вызвал шейха Абд ар-Рахмана и задержал его под арестом у хазандара¹³». В этот раз спасти попавшего в опалу служителя Аллаха отправился один из самых влиятельных египетских алимов Абу-л-Анвар ас-Садат. Как свидетельствовал Джабарти, когда Абд ар-Рахман ал-Ариши узнал о его прибытии, то спустился во двор, где сорвал с себя чалму, фаранджийю¹⁴ и «стал быстро выкрикивать, говоря: “О, Йусуф-бей, твой дом погибнет” и тому подобное». Сидевший на кованой скамье над двором Йусуф-бей поднялся и призвал своих слуг схватить и убить вышедшего из себя муфтия, и лишь заступничество уважаемого шейха ас-Садата предотвратило, казалось бы, неминуемую расправу [9. С. 52].

Наконец, последний из конфликтов «героя» этого рассказа с представителями алимского корпуса приключился менее чем за пару месяцев до расправы с ним. В начале месяца джумада ал-ула (7.VI–6.VII.1777) обучавшиеся в ал-Азхаре магрибинцы обратились с иском в шариатский суд, который подтвердил их право распоряжаться домом, обращенным в вакф в их пользу. При этом учредитель вакфа, который по каким-то причинам пытался оспорить законность владения слушателей-магрибинцев этим имуществом, заручился поддержкой некоторых эмиров, в число которых входил и Йусуф-бей. Как поведал нам египетский хронист, когда тот увидел, что вынесенное решение не отвечает его замыслам и расчетам, то «пришел и ярость и приписал это преступлению». Он послал арестовать главу ривака¹⁵ магрибинцев — шейха Аббаса и самих студентов, однако те «сильно обругали и выгнали посланцев Йусуф-бея» [9. С. 35–36].

¹³ Хазандар — казначей, хранитель казны.

¹⁴ Фаранджийя — верхнее платье широкого покрова.

¹⁵ Ривак — землячество в университете ал-Азхар. Каждое такое землячество имело свои помещения, закрепленные, за уроженцами той или другой страны или египетской провинции. Ривак представлял собой замкнутую корпорацию во главе с шейхом, обеспечивающую своим членам обучение и пропитание за счет доходов, получаемых с вакфов, учрежденных на эти цели.

Об этом событии был извещен глава маликитов, авторитетный и чрезвычайно популярный в народе шейх Ахмад ад-Дардир, который написал письмо мамлюкскому эмиру с увещанием, чтобы тот «не мешал людям науки и не оспаривал решений суда». Однако когда его посланники явились к Йусуф-бею, тот «накричал на них, приказал арестовать их и бросить в тюрьму». Сразу после того как весть об этом дошла до шейха ад-Дардира и азхариотов, они отменили занятия и моления. Все входы в мечеть были перекрыты, «а слушатели забрались на минарет, выкрикивая призывы к выступлению против эмиров». Реагируя на разгоравшуюся смуту, хозяева близлежащих лавок закрыли их [9. С. 36].

Узнав о вспыхнувших в городе массовых беспорядках, эмиры обратились к Йусуф-бею, и тот был вынужден освободить арестованных. Тем не менее, волнения продолжались еще несколько дней, пока протестующие не получили гарантий безопасности и обещаний удовлетворить все выдвинутые ими требования. По свидетельству египетского историка, самую деятельную роль в урегулировании конфликта играл Исмаил-бей старший, который поручился соблюдать интересы шейхов, принял их фетву и обязался выплатить им ежемесячное содержание [9. С. 36–37].

Представляется, что именно эти события стали «последней каплей», оказавшей решающее воздействие на незавидную участь Йусуф-бея. Неомамлюкская верхушка вполне могла простить физическое устранение оппонентов из конкурирующих «партий». Другое дело — конфронтация с интеллектуальной элитой египетского общества в лице алимского корпуса. Эти ревностные блюстители и интерпретаторы многовекового мусульманского наследия всегда занимали особое положение в политической и социально-экономической жизни страны, а отдельные его представители были хорошо известны и почитаемы не только в арабских провинциях Османской империи, но и далеко за пределами Богохранимого государства [16. С. 38; 17. С. 104–106]. Бросать их в тюрьму, угрожать им убийством, лишать их жизни в угоду своим честолюбивым амбициям означало бы поднять руку на верховенство священного закона, шариата, следование которому составляло неотъемлемую часть бытования доминирующей мусульманской общины-уммы.

Выяснение всех обстоятельств убийства Йусуф-бея опровергает утверждение американского исследователя Д. Креселиуса, полагавшего, что со смертью Мухаммада-бея Абу-з-Захаба «сам характер отношений между улама и эмирами ощутимо изменился», в результате чего влияние ученых мужей на общественно-политическую жизнь в стране сильно упало [3. С. 140]. Безусловно, новая генерация египетской правящей элиты, пришедшая к власти на берегах Нила в последней трети XVIII в., в целом была куда более индифферентна к вопросам веры, чем предшествующее поколение мамлюкских эмиров. Тем не менее, даже несмотря на то, что в обыденной жизни многие из них совершали деяния и поступки, противоречившие нормам

морали и права, в общем и целом, они признавали высокий социальный статус и авторитет хранителей исламской религиозной традиции, воздавая им почести и оказывая знаки внимания. Даже такой одиозный соправителей Египта последней четверти XVIII в. как Мурад-бей, вся деятельность которого «была наполнена насилиями и необузданными действиями», по признанию Джабарти, «с уважением относился к улама, держал себя с ними вежливо, прислушивался к их словам и принимал от них ходатайства» [15. С. 429].

Как точно подметила патриарх отечественной османистики Ф.М. Ацамба, именно политическая нестабильность в Египте создавала «наиболее благоприятные условия для развертывания всех способностей и возможностей улама для распространения их влияния на все области общественной жизни, для расширения их и без того широких социально-политических функций религиозных лидеров». Практически они выступали в качестве самостоятельной политической силы, которая уравнивала внутреннюю обстановку в провинции и смягчала противостояние мамлюков, оджаков и османской администрации [18. С. 41–42]. С одной стороны, поддержка со стороны руководства алимского корпуса «как бы автоматически обеспечивала официальное признание в глазах египтян того или иного мамлюкского бея или османского должностного лица» [16. С. 40]. С другой — сила влияния служителей Аллаха на умонастроение и социальное поведение верующих масс была столь велика, что в ответ на любые проявления произвола, беззакония и несправедливости они могли вывести на улицы Каира многотысячные толпы агрессивно настроенного простонародья, вооруженного лишь палками и камнями, но от этого не менее грозного и опасного [17. С. 112–113, 18. С. 51]. Иными словами, пользуясь метафорой ведущего российского специалиста по истории функционирования исламского религиозного комплекса в арабо-мусульманском мире С.А. Кириллиной, каирские алимы выступали в роли «цементирующего ингредиента», который препятствовал торжеству деструктивных тенденций, не позволяя обществу утратить органическое единство и расплыться на бесчисленные враждующие фракции [17. С. 46].

Заключение

Исмаил-бей старший, по-видимому, прекрасно осознавал, что противодействие духовным вождям мусульманской общины-уммы может оказаться губительным как для него самого, так и для всего его окружения. Очутившись волею судеб во главе неомамлюкской иерархии, он поспешил избавиться от своего импульсивного, непредсказуемого и, по большому счету, недалекого партнера, который своим поведением постоянно провоцировал конфликты власти светской с властью духовной. Правды мы уже никогда не узнаем, однако с большой долей вероятности можно утверждать, что именно по этой причине и был отдан приказ о ликвидации эмира ал-хаджж Йусуф-бея. Расправа

над ним вовсе не считалась преступлением с точки зрения общепринятых норм поведения правящей элиты османского Египта. Скорее, его убийство можно рассматривать как справедливое наказание за то, что он поставил себя в явную оппозицию к исламским религиозным авторитетам и нарушил неписанное правило уважительного и почтительного отношения к служителям культа и главным носителям «божественных знаний».

Библиографический список

1. *Ацамба Ф.М., Кириллина С.А.* Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII — первая четверть XIX в.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1996.
2. *Куделин А.А.* Эволюция социально-политических институтов Османского Египта (XVII–XVIII вв.). М.: РУДН, 2017.
3. *Crecelius D.* The Roots of Modern Egypt. A Study of the Regimes of Ali Bey al-Kabir and Muhammad Bey Abu al-Dhahab, 1760–1775. Minneapolis — Chicago: Bibliotheca Islamica, 1981.
4. *Holt P.M.* The Pattern of Egyptian Political History from 1517 to 1798 // Political and Social Changes in Modern Egypt. Historical Studies from Ottoman Conquest to the United Arab Republic / ed. by P.M. Holt. London — New York: Oxford University Press, 1968. С. 79–90.
5. *Winter M.* Egyptian Society under Ottoman Rule, 1517–1798. London — New York: Routledge, 1992.
6. *Hathaway J.* The Politics of Households in Ottoman Egypt: The Rise of the Qazdaglis. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
7. *Смирнов В.Е.* Особенности становления и развития мамлюкского «дома» Балфийа // Исторический вестник. 2019. Т. XXIX. С. 134–155. <https://doi.org/10.35549/HR.2019.2019.47856>
8. *Смирнов В.Е.* Социальные практики египетских беев во второй половине XVIII в // Арабеска и тюльпан. Арабо-османский мир в религиозной и культурной динамике / отв. ред. Н.Р. Волькенштейн, В.В. Орлов. М.: ИВ РАН, 2021.
9. *Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798) / пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М.: Наука, 1978.
10. *Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* 'Аджа'иб ал-'асар фй-т-тараджим ва-л-'ахбар (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий). Т. 1. Каир: Дар ал-кутуб ал-мисрийя, 1997.
11. *Gabartī 'Abd al-Rahmān Ibn-al-Hasan al-.* 'Abd al-Rahmān al-Jabartī's History of Egypt 'Ajā'ib al-Āthār fi 'l-Tarājim wa'l-Akhhār. Vol. I / translators: Crecelius D., Abd al-Malik B., Wendell Ch., Fishbein M. Stuttgart: Steiner, 1994.
12. *Джанелидзе Д.В.* Клод Савари о мамлюках грузинского происхождения // Литературная Грузия. 1981. № 7. С. 204–217.
13. *Мачарадзе В.Г.* Грузинские документы по истории русско-грузинско-египетско-эфиопских отношений 80-х годов XVIII века. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1967.
14. *Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821) / пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М.: Наука, 1963.
15. *Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / пер. с араб., предисл. и примеч. И.М. Фильштинского. М.: Наука, 1962.
16. *Ацамба Ф.М.* Высшее мусульманское духовенство в политической жизни османского Египта (XVIII–XIX вв.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1993. № 3. С. 33–55.
17. *Кириллина С.А.* Исламские институты Османского Египта в XVIII — первой трети XIX века. Lewiston — Queenston — Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000.

18. Ацамба Ф.М. Высшее мусульманское духовенство Египта в конце XVIII — начале XIX века (Социальные функции. Экономические позиции) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1992. № 4. С. 40–57.

References

1. Atsamba FM., Kirillina SA. *Religija i vlast': islam v Osmanskom Egipte (XVIII — pervaja chetvert' XIX v.)* [Religion and Power: Islam in Ottoman Egypt (18th century — first quarter of the 19th century)]. Moscow: Moscovskij universitet publ.; 1996. (In Russ.).
2. Kudelin AA. *Jevoljucija social'no-politicheskih institutov Osmanskogo Egipta (XVII–XVIII vv.)* [The Evolution of the Socio-Political Institutions of Ottoman Egypt (XVII–XVIII)] Moscow: RUDN publ., 2017. (In Russ.).
3. Crecelius D. *The Roots of Modern Egypt. A Study of the Regimes of Ali Bey al-Kabir and Muhammad Bey Abu al-Dhahab, 1760–1775*. Minneapolis — Chicago: Bibliotheca Islamica; 1981.
4. Holt PM. The Pattern of Egyptian Political History from 1517 to 1798. *Political and Social Changes in Modern Egypt. Historical Studies from Ottoman Conquest to the United Arab Republic*. In: Holt PM, editor. London — New York: Oxford University Press; 1968, p. 79–90.
5. Winter M. *Egyptian Society under Ottoman Rule, 1517–1798*. London — New York: Routledge; 1992.
6. Hathaway J. *The Politics of Households in Ottoman Egypt: The Rise of the Qazdaglis*. Cambridge: Cambridge University Press; 1997.
7. Smirnov VE. Osobnosti stanovleniya i razvitiya mamlyukskogo doma Balfija [Specific Traits of the Rise and Development of the Mamluk «House» of Balfia]. *Istoricheskij vestnik*. 2019;(29):134–155. <https://doi.org/10.35549/HR.2019.2019.47856> (In Russ.).
8. Smirnov VE. Social'nye praktiki egipetskih beev vo vtoroj polovine XVIII v. [Social practices of Egyptian beys in the second half of the 18th century]. *Arabeska i tjul'pan. Arabo-osmanskij mir v religioznoj i kul'turnoj dinamike* [Arabesque and Tulip. The Arab-Ottoman World in Religious and Cultural Dynamics]. In: Volkenshtein NR, Orlov VV, editors. Moscow: IV RAN publ.; 2021. (In Russ.).
9. Al-Jabarti Abd ar-Rahman. *Egipet v kanun jekspedicii Bonaparta (1776–1798)* [Egypt on the eve of the Bonaparte expedition (1776–1798)]. Transl. from Arabic, preface and notes by Kilberg KhI. Moscow: Nauka publ.; 1978. (In Russ.).
10. Al-Jabartī 'Abd ar-Rahmān. *'Adzhā'ib al-'āsār fī-t-tarādzhim va-l-'ahbār (Udivitel'naja istorija proshlogo v zhizneopisanijah i hronike sobytij)* ['Ajā'ib al-Āthār 'l-Tarājim wa'l-Akhbār (An Amazing History of the Past in Hagiographies and Chronicles of Events)]. Vol. I. Cairo: National Library Press; 1997. (In Arab.).
11. Gabartī 'Abd al-Rahmān Ibn-al-Hasan al-. *'Abd al-Rahmān al-Jabartī's History of Egypt, 'Ajā'ib al-Āthār fi 'l-Tarājim wa'l-Akhbār*. Vol. I. Translators: Crecelius D, Abd al-Malik B, Wendell Ch, Fishbein M. Stuttgart: Steiner; 1994.
12. Dzanelidze DV. Klod Savari o mamlyukah gruzinskogo proishozhdenija [Claude Savari on the Mamluks of Georgian origin]. *Literaturnaja Gruzija*. 1981;(7):204–217. (In Russ.).
13. Macharadze VG. *Gruzinskie dokumenty po istorii russko-gruzinsko-egipetsko-jeffiopskih otnoshenij 80-h godov XVIII veka* [Georgian Documents on the History of Russian-Georgian-Egyptian-Ethiopian Relations in the 1880s] Tbilisi: Tbilisskij universitet publ.; 1967. (In Russ.).
14. Al-Jabarti Abd ar-Rahman. *Egipet pod vlast'ju Muhammada Ali (1806–1821)* [Egypt under the rule of Muhammad Ali (1806–1821)]. Transl. from Arabic, preface and notes by Kilberg KhI. Moscow: Nauka publ.; 1963. (In Russ.).
15. Al-Jabarti Abd ar-Rahman. *Egipet v period jekspedicii Bonaparta (1798–1801)* [Egypt at the time of the Bonaparte expedition (1776–1798)]. Transl. from Arabic, preface and notes by Filshtinskiy IM. Moscow: Nauka publ.; 1962. (In Russ.).

16. Atsamba FM. Vysshee musul'manskoe duhovenstvo v politicheskoy zhizni osmanskogo Egipta (XVIII–XIX vv.) [Higher Muslim religious leaders in the political life of Ottoman Egypt (18th–19th centuries)]. *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies*. 1993;(3):33–55. (In Russ.).
17. Kirillina SA. *Islamskie instituty Osmanskogo Egipta v XVIII — pervoj treti XIX veka* [Islamic institutions of Ottoman Egypt in the 18th — the first third of the 19th century]. Lewiston — Queenston — Lampeter: The Edwin Mellen Press; 2000. (In Russ.).
18. Atsamba FM. Vysshee musul'manskoe duhovenstvo Egipta v konce XVIII — nachale XIX veka (Social'nye funkcii. Jekonomicheskie pozicii) [Higher Muslim religious leaders of Egypt at the end of the 18th — beginning of the 19th century (Social functions. Economic positions)]. *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies*. 1992;(4):40–57. (In Russ.).

Информация об авторе:

Смирнов Валерий Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: smirnov@iaas.msu.ru. ORCID: 0000-0003-4276-4861

Information about the author:

Smirnov Valery Evgenievich — PhD. in History, senior researcher, Department of Middle and Near East history, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, e-mail: smirnov@iaas.msu.ru. ORCID: 0000-0003-4276-4861